

СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПЬЮТИНГ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Л. В. Сморгунув

Сморгунов Леонид Владимирович, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Эл. почта: l.smorgunov@spbu.ru. ORCID 0000-0002-2581-2975.

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи социального компьютинга и трансформации городского публичного пространства. В первый период взаимодействия человека и компьютера внедрение компьютерной вычислительной техники в общественное пространство рассматривалось с позиции усиления контроля над обществом. Увеличение интерактивности, обеспеченное технологиями Web 2.0, создало новые возможности в использовании социального компьютинга. Особое значение это имело в связи с интенсивным вниманием к поиску критериев обоснованности публичных решений в модели эпистемической демократии. Либеральный акцент на рациональности общественного выбора в условиях действия мажоритарного принципа и рассмотрение большинства в качестве достаточного критерия обоснованности истинности в условиях распространения цифровых технологий сместился в сторону критерия легитимности публичного суждения, обеспеченного интенсификацией коммуникационных процессов. Возвращение на этой основе политики в городское сообщество вызвало ряд противоречий в конструкции его пространства для выражения публичных интересов. Формирование публичности в городском пространстве было вызвано потребностью выражения горожанами права на город. Преобразование городского сообщества в публику строится на основе как многостороннего гражданского обучения, так и заполнения возникающих разрывов во взаимодействии официальных городских властей и горожан новыми формами цифровой активности.

Ключевые слова: социальный компьютинг, эпистемическая демократия, публичное пространство, город, публичность.

Введение

В последние десятилетия усилилось внимание исследователей к проблематике городского публичного пространства. Были опубликованы монографии (Zukin, 2010; Ноу, 2010; Гейл, 2012; Гройс, 2017), ряд журналов организовали для освещения этого вопроса специальные номера (см.: Vodnar, 2015; Sendra, 2015; Basso, 2018). В различных специализированных журналах появляются публикации, посвященные городскому публичному пространству. Эта тематика вызвала оживление прежде всего в связи с использованием городов как центров политических протестов в различных странах мира, включая многообразные цветные революции последнего времени. Следующим фактором внимания к проблематике стала критика неолиберальной политики приватизации публичного пространства городов и вместе с этим появления квазипубличных пространств в виде крупных торговых центров. В этой связи развернулась дискуссия о том, что же следует понимать под городским публичным пространством и можно ли восстановить прежний их статус как центров гражданской политики. Немаловажным выступило и то, что в современном городе публичное пространство стало трансформироваться в связи с появлением новых коммуникационных средств, связанных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31356 «Исследование трансформаций систем городского управления и самоуправления в условиях конституционной институционализации единой системы публичной власти в РФ».

с социальными сетями, мобильными телефонами и развитыми транспортными потоками. Изменившийся ритм общения городского населения определяется рассеиванием множества конкурирующих и конфликтующих источников (Smith, Hetherington, 2013, p. 5). В целом обсуждение используемых публичных пространств горожанами идет в русле выдвинутого Анри Лефевром (Lefebvre, 1996) «права на город».

В рамках этих обсуждений небольшим сюжетом встречается тема социального компьютеринга. Использование этого термина в России в целом соответствует общей тенденции. Однако буквальное использование термина порождает убеждение в том, что и в качестве науки, и в качестве практики «социальный компьютеринг» означает тесную связь с компьютером, т.е. компьютеризацию. Да, действительно, современные формы вычисления (компьютеринг) опираются на новую алгоритмическую технику с возможностью оперировать большими данными. Тем не менее первоначальное значение термина «компьютеринг» как вычисления, а не компьютерной техники, на наш взгляд, ближе к пониманию феномена «социального компьютеринга» как «социального вычисления» (пусть и с использованием компьютера) в том отношении, что интенсивность вычисления искомого и правильного результата совместных действий увеличилась многократно. Обратим внимание на следующее определение: «Социальные вычисления включают в себя широкий спектр веб- и облачных сервисов, которые поощряют и используют активное участие пользователей и создаваемый ими контент. Таким образом, блоги, электронная почта, обмен мгновенными сообщениями, чаты, вики, социальные закладки, групповые обсуждения в Интернете и другие примеры того, что часто называют социальным программным обеспечением, иллюстрируют некоторые идеи из парадигмы социальных вычислений» (Sabah et al., 2021, p. 281). Конечно, социальные вычисления — это определенные сервисы, или техники создания контента, т.е. информации для ее передачи и использования. Но они же представляют собой еще и определенное пространство для информационных потоков, превращающих данные в совместное гражданское знание как условие понимания направленности совместных действий. «Исторически термин “социальные вычисления” использовался в широком смысле для описания почти любой формы решения проблем, для которой люди объединяют усилия в большом масштабе для решения общей проблемы, независимо от того, опирается ли эта деятельность на четко определенные алгоритмы и применение методов программирования» (Robertson, Giunchiglia, 2013, p. 2). В этом отношении наш подход отличается от постгуманизма, для которого порождаемая материальной культурой человеческая динамика в публичном пространстве в виде переплетения и циркуляции человеческих и нечеловеческих тел и материи в целом формирует своего рода «докогнитивный шаблон для гражданского и политического поведения» (Amin, 2008, p. 5). Наоборот, сети, как новая материя взаимодействий людей и вещей, обладают когнитивным потенциалом, создающим знание как основу сетевого политического поведения. Если ранее эпистемическая демократия (Cohen, 1986) имела своим объектом электоральные процессы, обосновывая адекватность принципа большинства для определения истинного общественного выбора, то сегодня ее объектом становится «умная толпа», движение которой составляет истинный смысл направленности публичной политики. Социальный компьютеринг здесь — это компьютер «умного множества» людей, социальный

мозг сообщества, настроенный сетями на вычисление нужного. В этом смысле городское публичное пространство в условиях возрастания роли социальных вычислений становится не просто пространством выявления претензий и дифференциаций, а прямым источником предпочитаемых политических решений. Именно эта связь социального компьютеринга и городского публичного пространства является предметом обсуждения в предлагаемой статье.

Эпистемическая демократия и социальный компьютеринг

Концепция эпистемической демократии обосновывает роль и значение знания массового участника принятия публичных решений. Если мы достигли определенного решения, то, согласно концепции, общественные ценности выражаются правильно посредством голосования или массового участия населения в публичных обсуждениях. «Эпистемическая демократия подчеркивает способность процессов коллективного принятия решений генерировать знания» (Peter, 2007, p. 330). Хотя существует проблема соотношения невежества и знаний в политике (и объем знания не всегда оценивается позитивно) (König, 2021; Hannon, 2022), однако основной задачей легитимности демократии выступает все же ее способность обеспечивать решения истинным знанием. Демократия формирует институты, в рамках которых обычные люди проявляют большую когнитивную способность.

Концепция эпистемической демократии появилась в начале 1980-х годов и стала ответом на тенденции популизма в политике (Cohen, 1986; Goodin, Spiekerman, 2018). В 1985 г. Калифорнийский технологический институт в США провел конференцию на тему объяснения и обоснования социальной теории. Главная проблема, которая возникла на конференции, заключалась в поиске ответа на вопрос: можно ли в процессе общественного выбора (концепция эпистемической демократии находится в конфликтных отношениях с теорией общественного выбора) получить обоснованный критерий правильности решений, который принимается на основании институтов массового голосования и обсуждения? Уильям Райкер в работе «Либерализм против популизма» (1982) утверждал о проблематичности в ходе общественного выбора достичь независимого критерия истинности решения: проблема состояла в том, есть ли независимый критерий истинности публичных ценностей. Популизм полагал, что всеобщая воля способна достигать обоснованной публичной ценности. Уильям Райкер скептически отнесся к популистскому суждению о том, что общая воля выступает критерием правильности общественного выбора. Он полагал, что выборы позволяют лишь менять политиков. Такой ответ не удовлетворил сторонников эпистемической демократии. Все же они полагали, что избиратель обладает определенными когнитивными качествами, а избирательный процесс строится на основе независимого критерия истинности, которым выступает справедливость и концепция общественного блага. Умеренная теория сторонников концепции стала заключаться в том, что таким критерием может быть «умная толпа». «Умная толпа» предполагает, что участники дискуссии обладают определенной информацией, которая несколько не выше среднего избирателя.

В основе концепции эпистемической демократии, легитимизирующей когнитивные основания избирательного процесса, лежит теорема жюри присяжных Кондорсе, выдвинутая в 1785 г. Согласно теории, на избирательные участки приходят участники с определенной информацией. Если на участки придет груп-

па с вероятностью 50% получения правильного ответа, то эта группа с большей вероятностью получит правильный ответ. В этом смысле общий смысл теории присяжных заключается в том, что если у нас вероятность правильного решения 0,5, то сколько нужно людей, чтобы они приняли участие в голосовании? В этом случае увеличение числа присяжных повышает степень принятия правильного решения. Если вероятность принятия правильного решения меньше 0,5, то увеличение числа присяжных ведет к понижению шансов принять правильное решение. Есть, конечно, ограничения на теорему Кондорсе: она распространяется только на два предпочтения, интенсивность снижения вероятности также зависит от того, является ли эта вероятность меньше или больше 0,5. Кроме того, это зависит от числа предпочтений, которые включаются в процесс рассмотрения. В этом отношении мы получаем различные вариации количества участников для получения правильного ответа. При этом независимый критерий истинности достигается более компетентным участником решения, которым и является средний избиратель.

Правильный ответ возможен с точки зрения большинства обладателей правильной информации. В этом смысле выборы выполняют важную функцию: они обеспечивают независимый стандарт правильных решений, дают нам правильный отчет о справедливости или общем благе. Второй момент: они дают нам представление о правильной политике при том, что каждый отдельный гражданин мотивируется на участие в голосовании не своими личными предпочтениями, а представлениями относительно общего блага, с которыми сочетаются эти личные представления. Избиратель или любой участник публичных обсуждений, который обладает когнитивным представлением о правильной политике, должен голосовать компетентно, независимо и искренне. Это важное свойство, которое мы должны иметь в виду, когда оцениваем те или иные выборы. Важно отметить, что социальное вычисление в этом процессе обеспечивается процедурой голосования, при следовании которой получают правильные решения на основе распределения индивидуальных голосов. Процедура справедливого и честного голосования способна приносить хороший результат и тем самым создавать легитимность выбора публичных ценностей. В этом отношении эпистемическая демократия говорит нам не только о том, что мы выбираем некоторых представителей, о тех институтах, которые способствуют выбору тех, кого нужно выбирать. Сами выборы лучше решают проблему сбора и использования информации для формирования правильной политики, формирования условий, которые определяют эту политику в соответствии с исходными публичными ценностями.

Смысл концепции эпистемической демократии состоит в ответе на вопрос, может ли массовый участник публичных решений дать правильное решение и что для этого нужно. Выражаются ли правильно общественные ценности посредством голосования? Выборы обеспечивают независимый стандарт правильных решений, то есть отчет о справедливости или общем благе; они могут способствовать общественным дебатам, политической информации и политическим интересам. Голосование выражает убеждение в том, что является правильной политикой при надлежащей мотивации отдельных граждан голосовать за свое мнение относительно общей воли, а не за свои личные предпочтения (требования к избирателю голосовать компетентно, независимо и искренне). Процедуры справедливого и честного голосования по большому числу обладают общепризнан-

ной способностью приносить хорошие результаты и тем самым создавать легитимность выбора. Как пишут авторы монографии «Эпистемическая теория демократии», «Претензия теоремы Кондорсэ на применимость не зависит от того, что все знают все рассматриваемые истины, а скорее от того, что многие люди лучше, чем случайные, определяют их, а взгляды тех, кто не лучше, чем случайные, не являются систематически предвзятыми. Иными словами, мудрость множества зависит не от правильности каждого члена множества, а от ожидаемого большинства правильных голосов среди этого множества, что, в свою очередь, зависит от определенного уровня компетентности и отсутствия (или, во всяком случае, ограничения) систематической погрешности в любых ошибках» (Goodin, Spiekerman, 2018, p. 305).

Эпистемическая демократия — через голосование — лучше справляется с мониторингом первоочередного распределения задач, чем рынки, бюрократия или судьи, отчасти из-за ее способности к сбору и обработке информации. Акцент на голосовании здесь не случаен. Именно этот институт вычисления информации долгое время считался лучшим способом общественного выбора. Однако в последние десятилетия на политическом горизонте стала проявляться тенденция, которая стала критически относиться к возможности осуществлять правильный выбор решения только посредством голосования. Отчасти с этим связана критика либерализма (неолиберализма) и его способности формировать правильную политику на основе вероятностного исчисления. «Улица» и «площадь» стали претендовать на адекватность выражения властных позиций для политического решения. Истинность результата голосования стала подвергаться сомнению и отвергаться сама процедура, основанная на вычислении средних мнений. В этом отношении популизм в качестве критерия обоснованности решений выдвинул политическую волю, а коммунитаризм обратился к политическому суждению. Где-то эти две позиции переплелись в общей легитимации прямых форм участия граждан в политике и управлении, или в более мягкой форме использования гражданской науки при выработке политических решений властными органами. Здесь возникает что-то вроде «доказательной политики», которая базируется на широкой базе публичных знаний (Соловьев, 2021). Общий пафос эпистемической демократии сместился в сторону обоснования критериев правильности выбора на основе коммуникации, а не голосования, убеждения, а не рациональности, консолидированного мнения, а не вынужденного согласия с большинством. Способность массовых движений производить обоснованные суждения уже отмечалась в литературе. Так, в поисках выхода из противоречия между популистским и технократическим напряжением по вопросу истины и политики, представленном в работе С. Розельфельд «Демократия и истина» (Roselfeld, 2019), З. Памук предлагает для решения две стратегии противостояния монополистическим тенденциям экспертных знаний: одна опирается на роль присяжных, другая — на социальные движения (Moore et al., 2020). Первая стратегия где-то концептуально близка к процедуре голосования обычными гражданами по вопросу авторитетного экспертного знания. Вторая стратегия включает в рассмотрение потенциал социальных движений, когда они превращаются в публичные с политическими претензиями. Тема социальных движений возникает не случайно и связана не только с вопросом оценки экспертной истины, но и с возможностью включить в процедуру рассмотрения дифференцированные подходы, что свой-

ственно этим формам объединений граждан. Эти дифференцированные знания находятся в определенной системе взаимосвязи. Следует подчеркнуть то, что системность этого производства обеспечивается публичным пространством: «Важным для разработанной здесь системной модели является то, что различные компоненты в публичном пространстве могут собирать и объединять различные формы рассредоточенных знаний, которые затем могут быть переданы уполномоченным демократическим форумам» (Benson, 2019, p. 432).

Особое значение этот процесс производства суждений приобретает в условиях развития социального компьютеринга, новых форм общественных вычислений, базирующихся на широте информации, ее разнообразии и способности массовых коммуникаций и движений на ее объединении. Как следует из исследований, «социальные вычисления и социальные сети связаны с пересечением социального поведения и вычислительных систем, создавая или воссоздавая социальные соглашения и социальные контексты с помощью программного обеспечения и технологий. Такие приложения оказывают глубокое влияние на социальное поведение и образ жизни, расширяя границы вычислительных технологий... В то же время социальные вычисления также меняют поведение людей и их повседневный образ жизни» (Chen & Liu, 2014). Использование термина «социальные вычисления» применительно к современной коммуникации, основанной на цифровых технологиях, не является формальным или простым метафорическим использованием для описания когнитивных процессов. Разрабатывая возможности компьютеринга применительно к исследованию политического мира, Джеймс Дэнзайгер писал, что полезно будет «понять “вычисления” в широком смысле как по структуре, так и по функциям, как понятие, включающее различные информационные технологии, которые (1) основаны на устройствах микроэлектроники; (2) могут выполнять определенные задачи по обработке информации; и (3) включать механические, концептуальные, человеческие и организационные компоненты» (Danziger, 1986, p. 184). Социальные вычисления касаются отношений человека и вычислительных систем, которые (ре)конструируют социальные соглашения и социальные контексты, чтобы обеспечить взаимодействие, принятие обоснованных решений и сотрудничество. В наиболее радикальной постановке вопроса речь идет уже о трактовке социальных систем как сложных коллективных компьютеров. «Результаты такого проекта могут, в свою очередь, — пишет Джеймс Эванс, — стать катализатором более социально информированной компьютерной науки, рекомендующей отойти от таких основных парадигм исследований, как проект искусственного (гуманоидного) интеллекта, и перейти к другому проекту, который соединяет человека с инопланетным интеллектом» (Evans, 2020, p. 4). Применительно к процессу познания мира индивидом понятно, что система человек–компьютер позволяет облегчить процесс познания и получить его результаты без предварительно установленной программы (можно сказать, без заранее ориентационной методологии). В публичном познании, основанном на суждении, прямая связь компьютера и человека преломляется в сетевые коммуникации, адекватные для получения обоснованности результата. В этом отношении поставленный в концепции эпистемической демократии вопрос о независимом критерии обоснованности публичного знания ставится не в контексте выбора большинством, а публичной сетевой коммуникации, которая лучше справляется с обоснованностью, чем случайный выбор. В этом смысле публичное движение — это не просто субъект действия, а структура ком-

муникации, находящая логическое завершение в ее выявлении в публичном пространстве города².

Городское публичное пространство

Город является местом политики. Исторически он был тем поселением, в котором сосредоточилось разнообразное множество людей, достаточное для того, чтобы сформировать публичную власть как условие совместной жизни. Сегодня город и городская культура сохраняют потенциал политического и способствуют его развитию в новых формах, определяемых современными коммуникационными потоками и концентрацией знания. Хотя в современных городах фиксируется тенденция постполитического устройства, характеризующегося «подъемом неолиберального правления, которое заменило дебаты, разногласия и споры рядом технологий управления, направленных на консенсус, соглашения, показатели бухгалтерского учета и технократического контроля» (Karaliotas, 2020, p. 254), однако наблюдается и контрпроцесс, определяемый современной конфигурацией превращения социальности взаимодействий в публичную кумулятивную энергию. Современное требование права на город рождает у его граждан потребность перехода из состояния занятых повседневными делами частных людей в позицию публичных участников городской политики.

Пространство современного города делится то на две, то на три основные части. Две части городского пространства включают в себя частное и общественное пространство. Частное пространство предполагает закрытость, частную собственность, эксклюзивность для чужих независимо от того, принадлежит ли оно обычным жителям или включает в себя бизнес-пространство. Отгороженность частного пространства от проникновения других делает его местом осуществления частных интересов на семейные дела, личные пристрастия, отдых или организацию бизнеса и производства. Общественное пространство, наоборот, открыто, доступно для горожан, для их коммуникации, отдыха и организации общественных мероприятий. Правда, в связи с приватизацией части общественного пространства — парки, кафе, рестораны, клубы, торговые центры, спортивные сооружения — часто выделяют частно-общественное пространство, которое по принадлежности относится к частной сфере, а по функционалу предполагает более широкое участие горожан (соседей, знакомых, друзей, жителей одного района и т.д.). Хотя может быть и наоборот. Общественное пространство, ориентированное, например, для передвижения граждан по городу (дороги, улицы), также может интерпретироваться как частно-общественное пространство, публичные акции в котором нарушают интересы частных горожан. В этом отношении отмечается тенденция сужения собственно публичного пространства, или возникают мнимые его формы.

То, что иногда частно-общественное пространство используется для выражения публично-политических интересов (с привлечением к ответственности за

² Конечно, новые публичные движения, основанные на сетевой коммуникации, могут создавать угрозу политическому порядку, если последний не адекватен ее публичным ценностям. В этом отношении «по мере того как вычисления вторгаются в наши личные миры, раздражая, прерывая или отвлекая нас, они потенциально еще более разрушительны в общественных местах, где дружба и незнакомцы одинаково ориентируются в сложном социальном контексте сосуществования» (Shklovski, Chang, 2006).

это участников таких действий) заставляет проводить различие между социальным (или общественным) пространством и пространством публичным³. Первое пространство предполагает использование только для общей коммуникации и взаимодействия жителей без его ориентации на публично-политическую деятельность. Второе — публичное пространство — направлено на возможность выражения публично-политических интересов и открыто для публичных акций. Публичная сфера здесь рассматривается как место, где создаются, распространяются и оспариваются социальные и политические смыслы. Хотя это пространство также подвергается регулированию, однако оно имеет специфический характер, т.к. никто не может быть подвергнут ограничению, если он соблюдает нормы таких акций. Как свидетельствуют Ирина Шкловски и Мишель Чан, публичные пространства можно понимать как комбинации «передних пространств» для перформативных действий и пространств для полуприватных и частных взаимодействий. Люди населяют эти пространства, даже когда они интерпретируют свое окружение и оценивают настроение этих пространств, чтобы лучше понять, где они живут (Shklovski, Chang, 2006). Это разделение интересно в том отношении, что предполагает возможность трансформации социального сообщества жителей города в категорию публично-политического сообщества, или публики в прежнем смысле слова, как субъекта, равно, свободно и открыто выражающего свои взгляды перед другими и принятого другими в этом качестве. Крейг Кэлхун пишет: «Одной из наиболее важных социальных характеристик городов является наличие публичных пространств, в которых относительно незнакомые люди могут взаимодействовать и наблюдать друг за другом, обсуждать и учиться на политическом уровне, а также психологически расти благодаря разнообразным контактам» (Calhoun, 1986). Это второе городское пространство, сохраняющее свое конструктивное значение, обеспечивает также минимальное условие городской демократии и возможность роста горожан в качестве субъектов политики и управления. Этот же подход обеспечивает реальную возможность обеспечить для них право на город в качестве его пользователей, а не только формального источника городской власти.

Преобразование сообщества горожан в публику может происходить ситуативно под влиянием каких-либо случайных событий или постепенно, выражая формирующуюся потребность горожан на управление городом. В обоих случаях нужно учитывать, что современный город, в силу усиления в нем разнообразия форм и направлений деятельности и жизни, интенсификации социального и физического передвижения, разнообразия культурных и этнических групп, формирует ритмы жизни не просто ускоренные, а распределенные. Следует учитывать, что «ритмы теперь возникают из синкопы множества конфликтующих и конкурирующих источников» (Smith, Hetherington, 2013). Так как публичная сфера выступает местом, где создаются, распространяются и оспариваются социальные и политические смыслы, то формирование публики происходит на основании двух важнейших компонентов механизма публичного научения — критического мышления и публичного активизма. Эти два момента взаимообуславливают

³ В этом отношении, на наш взгляд, Е. В. Лебедева не совсем точно интерпретирует такое разделение, как разделение на два концептуальных подхода вообще к публичному пространству города: «пространство встреч свободных граждан» и «социальность». Это все же разные уровни, которые, конечно, описываются исходя из их функциональной направленности (Лебедева, 2016).

друг друга. Ален Турен указывал на роль действия и интервенции для формирования действительно политической позиции исследователя, которая должна быть гражданской. Он писал: «Только благодаря им действующее лицо может подняться с одного на другой уровень социальной действительности и перейти от поведения ответа и адаптации к поведению проекта и конфликта» (Турен, 1998, с. 118). И это позволяет, в соответствии с эпистемической демократией, обеспечить способ утверждения достоверности истины в политике.

Формирование публичности в городском пространстве

В какой мере социальный компьютеринг обеспечивает формирование публичности, т.е. критического мышления и публичного активизма как условия обеспечения достоверности истины в политике? Первоначально социальный компьютеринг и его влияние на политику рассматривались в том смысле, что «компьютеризация увеличила информационную мощь, эффективность и централизацию контроля в политическом мире. Политическое взаимодействие стало более прозрачным и сложным, а значит, более трудным. Хотя политическая ориентация на данный момент кажется мало изменившейся, вычислительная техника в целом укрепила существующее распределение власти и ценностей» (Danziger, 1986, p. 185). Данный вектор рассмотрения роли компьютеризации отношений в политике находит выражение в ряде исследований, посвященных проблеме усиления надзорных функций власти над гражданами. Следовательно, здесь можно говорить о формировании лишь управляемой публичности и контролируемых городских пространств. В дальнейшем, однако, возможности социального компьютеринга расширились не только в отношении внешнего контроля, но и применительно к общей тенденции развития интерактивности, в том числе в пространстве города. Интерактивность стала преобладающей в технологиях Web 2.0, что создавало дополнительные ресурсы для вовлечения в экономику, культурную жизнь, политику, предоставление публичных услуг, коммуникацию и т.д. Сама архитектура города стала описываться в терминах интерактивного медиапространства. Как пишут исследователи, «в настоящее время медиа как совокупность технологических средств и приемов коммуникаций, служащих для передачи информационного сообщения, так же как и образующаяся ими среда (медиапространство), стали неотъемлемым элементом современного мегаполиса» (Птичникова, Черничкина, 2019, с. 56). В современном городе медиапространство становится важным условием формирования публичности, создавая динамичную, изменчивую и критичную среду познания и действия.

В центре формирования публичности в городском пространстве лежит гражданское обучение (citizenship learning). Оно предполагает как образование, так и активность. При этом, как справедливо подчеркивают Стюарт Мойр и Джим Кроутер с отсылкой к работам Милля, образование должно иметь критическую направленность: «Воспитание гражданственности без критического взгляда на демократию и общество больше связано с социальным контролем, чем с социальными изменениями, в то время как реальная задача воспитания гражданственности состоит в том, чтобы соответствовать внедрению открытой, основанной на участии демократической культуры, которая способствует индивидуальной и коллективной деятельности, одновременно связи между “личными тревогами” и “общественными проблемами”» (Moir, Crowther, 2017, p. 18). В русле концепции

эпистемической демократии гражданское обучение как когнитивный процесс, находящий выражение в гражданской активности, способствует проверке такой политической истины, которая в соответствии со смыслом политики всегда открыта к обоснованию, а следовательно, поддержание искренности и честности в таком обосновании меняет дизайны и городские политические пространства.

Социальный компьютеринг расширил возможности такого формирования публичности в качестве процесса гражданского образования. В этом плане обращает на себя внимание деятельность ЮНЕСКО по развитию идеи и практики «обучающихся городов» (learning cities). В 2012 г. была образована Глобальная сеть обучающихся городов (Global Network of Learning Cities; <https://uil.unesco.org/lifelong-learning/learning-cities>). Сегодня в нее входят 229 членов из 64 стран, которые занимаются разработкой целостных и интегрированных подходов к обучению на протяжении всей жизни для реализации задач устойчивого и рискоуправленного развития. Сеть способствует политическому диалогу и взаимному обучению своих членов, способствует партнерству, обеспечивает наращивание потенциала и разрабатывает инструменты и ресурсы для поощрения и признания прогресса в создании обучающихся городов. Среди направлений деятельности «обучающихся городов» для поддержки справедливости и инклюзивности жизни в городе выделяются создание возможностей образования и обучения для всех, в частности для уязвимых групп; предложение онлайн-курсов обучения, которые позволяют людям посещать бесплатные лекции по целому ряду тем, актуальных для местного сообщества; создание колледжей для мигрантов; продвижение инициатив в области обучения между поколениями; обеспечение профессиональной ориентации, особенно для женщин; создание мобильных библиотек и др. Среди векторов деятельности выделяется создание «сетей гражданского участия», которые поощряют граждан принимать участие в процессах принятия решений в городе, используя социальные сети и современные технологии.

Россия не представлена в данной сети «обучающихся городов». Однако и здесь можно отметить ряд направлений многостороннего сотрудничества, соответствующих идеологии гражданского обучения. В системе городского управления заметным движением стала программа «Умный город», которая имеет гуманитарную ориентацию, направлена на развитие технологичности городской инфраструктуры, способствует росту качества управления инфраструктурой и созданию комфортной и безопасной среды, обеспечивает условия для устойчивого развития и экономической эффективности. Вторым направлением деятельности с использованием новых информационных технологий выступает развитие обратных связей с городским населением и включение их в выявление городских проблем и принятие соответствующих решений. Региональные органы публичной власти стали создавать различные сайты и платформы для реализации целей программы. К 2020 г. в России действовало более 200 различных региональных коммуникационных платформ. В целом они разделяются на четыре основные группы: 1) платформы (разделы сайтов, страницы) обращений граждан в органы власти и местного самоуправления; 2) порталы городских (региональных) проблем; 3) порталы оценки гражданских инициатив; 4) порталы/платформы общественного участия. Именно последние обеспечивают не только выявление региональных общественных проблем, но и нацелены на участие граждан в их решении. Третье направление имеет отношение к инициативному публичному

бюджетированию. Программа инициативного бюджетирования в России осуществляется Минфином с 2017 г. и уже действует в 73 регионах. В 2020 г. граждане участвовали в 290 практических проектах, из которых 115 были осуществлены на региональном уровне и финансировали из бюджетов регионов, остальные 175 проектов были осуществлены на уровне муниципалитетов. Последние реализовывались с участием гражданского софинансирования. Расширение пространства использования цифровых технологий в городском управлении демонстрирует не просто эффективность современных технологических средств, а их трансформационный потенциал для политико-социальных изменений, который до конца не осознан ни общественным сознанием, ни наукой. Цифровое городское публичное управление — это институционально-процедурная система осуществления функций органов публичной власти, организуемая на основе сочетания технологических и политических принципов соучастия и обеспечивающая справедливость решений в городских контекстах.

Вместе с тем динамика гражданского обучения часто выходит за рамки официальных программ и разработанных методик. Тем более если в них проявляется проблема искренности и честности обоснования политической истины. Там, где возникают разрывы в пространстве осуществления городской публичной власти и политическая истина теряет свойство открытости, возникают конфликтные разрывы и формируются параллельные публичные действия и пространства. Совершенно обоснованно тогда возникают неофициальные, часто лиминальные пространства гражданского обучения и публичности⁴. «Люди и общественные группы в этих городах делают поворот: будучи приверженными ценностям, ... разработанным в рамках прав человека, они организуют действия, которые включают обучение как важный инструмент для достижения этих целей, выходящий за рамки простого участия в принятии решений, но претендующий на город по-новому, не только без городского правительства или лидеров, но и вне их политической реальности и благодаря прочному партнерству между участниками сообщества» (Poročić et al., 2020, p. 40). Хотя эти новые городские движения в области публичных действий выходят за рамки виртуальных коммуникаций и сетевого пространства в реальное пространство площадей, улиц, переходов и парков, однако отмечается не только серьезный подготовительный мобилизационный период с использованием цифровых технологий, но и гражданское научение критике в пространстве так называемого «слактивизма» (ленивого активизма в пространстве цифровой коммуникации) (Rosenbloom, Ginther, 2017; Михайлова, 2020). Это является важным направлением исследований, затрагивающих вопрос о значимости критических связей на периферии общего городского публичного пространства для их потенциала гражданского научения с возможным переходом в реальное пространство публичной активности. Поддержка петиций в сетях коммуникации, критические реплики и лайки понравившихся постов, обсуждение локальных вопросов, написание постов и твиттов все эти формы ленивого активизма в виртуальном пространстве коммуникации формируют особые пространства критической

⁴ А.А. Желнина справедливо пишет о том, что «в российской ситуации особый интерес представляет помещение творческих трансформаторских инициатив в политический и социальный контекст больших российских городов, где они становятся одним из форматов участия горожан в общественно-политической жизни в условиях дефицита других каналов участия» (Желнина, 2015, с. 48).

гражданственности, способные к мобилизации в условиях контингентных событий. Совершенно справедливым является вывод о том, что «когда-то считавшееся врагом физического публичного пространства, киберпространство, благодаря своей способности к мгновенному и постоянному подключению и обмену информацией, теперь во многих отношениях способствует активизации, использованию и присвоению физических общественных пространств. Таким образом, публичное пространство приобрело легитимность не только как пространство, но и как акт и событие» (Mehta, Bosson, 2021, p. 161).

Заключение

Соучастие граждан в городском управлении требует определенного публичного пространства, которое, естественно, подвергается трансформации в условиях использования социального компьютеринга. Компьютеринг, или вычисление «может рассматриваться четвертой великой областью науки наряду с физическими науками, науками о жизни, социальными науками и математическими функциями» (Denning, 2010, p. 369). Социальный компьютеринг включает в себя связи социального поведения и вычислительных систем, или коммуникации и вычисления. Набор различных вычислительных сервисов, направленных на осознанную коммуникацию, способную в своем осуществлении изменять контенты на основе сотрудничества, оказывает сегодня прямое воздействие на демократические процедуры и формирование публичности. Социальный компьютеринг расширяет представление об эпистемической демократии, включая в процесс обоснования политической истины критерий публичной сетевой коммуникации. Виртуализация коммуникационных взаимодействий органов публичной власти и граждан только частично перемещена в онлайн сетевое пространство. Под влиянием технологий изменяется пространственная конфигурация города и городских пространств взаимодействия. С одной стороны, расширяется спектр коммуникационных площадок, в которые превращаются транспорт, места рекреации, музеи, молы и т.д. С другой стороны, отмечается тенденция к формированию новых зон публичного контроля и коррекции коммуникации, замыкание пространства в рамках определенных цифровых сообществ, приватизация публичных пространств и т.д. В целом, цифровизация обладает трансформационным эффектом для организации публичной власти, превращает последнюю в открытое пространство коммуникации.

Библиографический список

- Гейл, Я. (2012). *Города для людей*. Москва: Альпина Паблишер.
- Гройс, Б. Е. (2017). *Публичное пространство: от пустоты к парадоксу*. Москва: Стрелка Пресс.
- Желнина, А. А. (2015). Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2(78), 45–59.
- Лебедева, Е. В. (2016). Трансформация публичного пространства постсоветских городов. *Социология*, 4, 107–115.
- Михайлова, Е. (2020). Слактивизм: современные ИКТ как ресурс формирования и артикуляции общественного мнения. *Международная жизнь*, 3, 96–105.
- Птичникова, Г. А., Черничкина О. В. (2019). Информационно-технологическая модель общественного пространства современного города. *Градостроительство и архитектура*, 9(2), 53–60.

- Соловьев, А. И. (2021). «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 14(5), 61–80. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-3.
- Турен, А. (1998). *Возвращение человека действующего. Очерки социологии*. Москва: Научный мир.
- Amin, A. (2008) Collective Culture and Urban Public Space. *City*, 12(1), 5–24, DOI: 10.1080/13604810801933495
- Basso, S. (2018). Rethinking Public Space Through Food Processes: Research Proposal for a “Public City”. *Urbani Izziv*, 29, 109–124.
- Benson, J. (2019). Knowledge and Communication in Democratic Politics: Markets, Forums and Systems. *Political Studies*, 67(2), 422–439.
- Bodnar, J. (2015). Reclaiming public space. *Urban Studies*, 52(12), 2090–2104.
- Calhoun, C. (1986). Computer Technology, Large-Scale Social Integration, and the Local Community. *Urban Affairs Quarterly*, 22(2), 329–349.
- Chen, J. & Liu, J. (2014) Introduction: Social Computing and Social Networks. *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*, 24(2–3), 119–121, DOI: 10.1080/10919392.2014.896712
- Cohen, J. (1986). An Epistemic Conception of Democracy. *Ethics*, 97(1), 26–38.
- Danziger, J. (1986). Computing and the Political World. *Computers and the Social Sciences*, 2, 183–200.
- Denning, P. (2010). Computing Science: The Great Principles of Computing. *American Scientist*, 98(5), 369–372.
- Evans, J. (2020). Social Computing Unhinged. *Journal of Social Computing*, 1(1), 1–13. DOI: 10.23919/JSC.2020.0002
- Goodin, R., Spiekerman, K. (2018). *An Epistemic Theory of Democracy*. Oxford: Oxford University Press.
- Hannon, M. (2022). Are knowledgeable Voters better voters? *Politics, Philosophy & Economics*, 21(1), 29–54.
- Hou, J. (2010). *Insurgent Public Space: Guerrilla Urbanism and the Remaking of Contemporary Cities*. New York: Routledge.
- Karaliotas, L. (2020) Ronan Paddison on Public Space and the Postpolitical. *Space and Polity*, 24(2), 252–261, DOI: 10.1080/13562576.2020.1787136
- König, P. D. (2021). Truth Versus Ignorance in Democratic Politics: An Existentialist Perspective on the Democratic Promise of Political Freedom. *Contemporary Political Theory*, 20(3), 614–635. DOI: 10.1057/s41296-020-00436-y
- Lefebvre, H. (1996). The Right to the City. In Lefebvre, H. *Writings on cities*. Oxford: Blackwell. Pp. 63–184.
- Mehta, V. & Bosson J. (2021). Revisiting Lively Streets: Social Interactions in Public Space. *Journal of Planning Education and Research*, 41(2), 160–172.
- Moir, S. & Crowther, J. (2017). Radicalising citizenship education. *Andragoška spoznanja*, 23(3), 17–34.
- Moore, A., Invernizzi-Accetti, C., Markovits, E., Pamuk, Z. & Rosenfeld, S. (2020). Beyond Populism and Technocracy: The Challenges and Limits of Democratic Epistemology. *Contemporary Political Theory*, 19(4), 730–752. DOI: 10.1057/s41296-020-00398-1
- Peter, F. (2007). Democratic Legitimacy and Proceduralist Social Epistemology. *Politics, Philosophy & Economics*, 6(3), 329–353.
- Popović, K., Maksimović, M., Jovanović, A., Joksimović, J. (2020). New Learning Sites in Learning City — Public Pedagogy and Civil Education. *Andragoška spoznanja/Studies in Adult Education and Learning*, 26(1), 33–51.
- Robertson, D. & Giunchiglia, F. (2013). Programming the Social Computer. *Philosophical Transactions: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 371(1987), 1–14.
- Rosenbloom, J. & Ginther, D. (2017). The Effectiveness of Social Science Research in Addressing Societal Problems: Broadening participation in computing. *Science and Public Policy*, 44(2), 259–273.

- Rosenfeld, S. (2019). *Democracy and Truth. A Short History*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Sabah, M., Fang, W. C., Hassanien, A. E. & Kim, T. (2021). Advanced Data Mining Tools and Methods for Social Computing. *The Computer Journal*, 64(3), 281–285.
- Sendra, P. (2015). Rethinking Urban Public Space. *City*, 19(6), 820–836, DOI: 10.1080/13604813.2015.1090184
- Shklovski, I. & Chang M. F. (2006). Guest Editors' Introduction: Urban Computing: Navigating Space and Context. *Computer*, 39(9), 36–37.
- Smith, R. J. & Hetherington, K. (2013). Urban Rhythms: Mobilities, Space and Interaction in the Contemporary City. *The Sociological Review*, 61(S1), 4–16, DOI: 10.1111/1467-954X.12050
- Zukin, S. (2010). *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. Oxford: Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021

Статья принята к публикации 15.12.2021

Для цитирования: Сморгунув Л. В. Социальный компьютеринг и трансформация городского публичного пространства. — Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 4. С. 6–21.

SOCIAL COMPUTING AND THE TRANSFORMATION OF URBAN PUBLIC SPACE

L. V. Smorgunov

Leonid V. Smorgunov, St. Petersburg State University, Universitetskaja nab., 7/9, St. Petersburg, 199034, Russia.

E-mail: l.smorgunov@spbu.ru. ORCID 0000-0002-2581-2975

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 21-011-31356.

Abstract. The article explores the interaction between social computing and the transformation of urban public space. In the first period of human-computer interaction, the introduction of computer technology into public space was seen through the perspective of strengthening control over society. The increased interactivity provided by Web 2.0 technologies has created new opportunities in the use of social computing. This was particularly so because of the heightened concern to find criteria for the validity of popular solutions in the model of epistemic democracy. The liberal emphasis on the efficiency of social choice under the majoritarian principle and the consideration of the majority as a satisfactory criterion for the validity of truth under conditions of the spread of digital technologies has drifted toward the criterion of legitimacy of public judgment provided by the intensification of communicative processes. The return of politics to the urban community on this basis led to some controversy in the design of its space for the expression of public interests. The shaping of publicity in the urban environment was triggered by the need for the city residents to voice their right to the city. The transformation of the urban community into the city public is based on both, multifaceted civic learning and the filling of the emerging gaps in the interaction between the official city authorities and the city residents with new forms of digital activity.

Key words: social computing, epistemic democracy, public space, city, publicity.

DOI 10.31429/26190567-22-4-6-21

References

- Amin, A. (2008) Collective Culture and Urban Public Space. *City*, 12(1), 5–24, DOI: 10.1080/13604810801933495
- Basso, S. (2018). Rethinking Public Space Through Food Processes: Research Proposal for a “Public City”. *Urbani Izziv*, 29, 109–124.

- Benson, J. (2019). Knowledge and Communication in Democratic Politics: Markets, Forums and Systems. *Political Studies*, 67(2), 422–439.
- Bodnar, J. (2015). Reclaiming public space. *Urban Studies*, 52(12), 2090–2104.
- Calhoun, C. (1986). Computer Technology, Large-Scale Social Integration, and the Local Community. *Urban Affairs Quarterly*, 22(2), 329–349.
- Chen, J. & Liu, J. (2014) Introduction: Social Computing and Social Networks. *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*, 24(2–3), 119–121, DOI: 10.1080/10919392.2014.896712
- Cohen, J. (1986). An Epistemic Conception of Democracy. *Ethics*, 97(1), 26–38.
- Danziger, J. (1986). Computing and the Political World. *Computers and the Social Sciences*, 2, 183–200.
- Denning, P. (2010). Computing Science: The Great Principles of Computing. *American Scientist*, 98(5), 369–372.
- Evans, J. (2020). Social Computing Unhinged. *Journal of Social Computing*, 1(1), 1–13. DOI: 10.23919/JSC.2020.0002
- Geyl, Ya. (2012). *Goroda dlya lyudey* [City for People]. Moskva: Al'pina Publisher.
- Goodin, R., Spiekerman, K. (2018). *An Epistemic Theory of Democracy*. Oxford: Oxford University Press.
- Groys, B. E. (2017). *Publicnoe prostranstvo: ot pustoty k paradoksu* [Public Space: From Emptiness to Paradox]. Moskva: Strelka Press.
- Hannon, M. (2022). Are knowledgeable Voters better voters? *Politics, Philosophy & Economics*, 21(1), 29–54.
- Hou, J. (2010). *Insurgent Public Space: Guerrilla Urbanism and the Remaking of Contemporary Cities*. New York: Routledge.
- Karaliotas, L. (2020) Ronan Paddison on Public Space and the Postpolitical. *Space and Polity*, 24(2), 252–261, DOI: 10.1080/13562576.2020.1787136
- König, P. D. (2021). Truth Versus Ignorance in Democratic Politics: An Existentialist Perspective on the Democratic Promise of Political Freedom. *Contemporary Political Theory*, 20(3), 614–635. DOI: 10.1057/s41296-020-00436-y
- Lebedeva, E. V. (2016). Transformaciya publicnogo prostranstva postsovetskih gorodov [Transformation of Public Space of Postsoviet Cities]. *Sociologiya* [Sociology], 4, 107–115.
- Lefebvre, H. (1996). The Right to the City. In Lefebvre, H. *Writings on cities*. Oxford: Blackwell. Pp. 63–184.
- Mehta, V. & Bosson J. (2021). Revisiting Lively Streets: Social Interactions in Public Space. *Journal of Planning Education and Research*, 41(2), 160–172.
- Mihaylova, E. (2020). Slaktivizm: sovremennye IKT kak resurs formirovaniya i artikulyatsii obshchestvennogo mneniya [Slactivism: Contemporary ICT as a resource of forming and articulation of public opinion]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Life], 3, 96–105.
- Moir, S. & Crowther, J. (2017). Radicalising citizenship education. *Andragoška spoznanja*, 23(3), 17–34.
- Moore, A., Invernizzi-Accetti, C., Markovits, E., Pamuk, Z. & Rosenfeld, S. (2020). Beyond Populism and Technocracy: The Challenges and Limits of Democratic Epistemology. *Contemporary Political Theory*, 19(4), 730–752. DOI: 10.1057/s41296-020-00398-1
- Peter, F. (2007). Democratic Legitimacy and Proceduralist Social Epistemology. *Politics, Philosophy & Economics*, 6(3), 329–353.
- Popović, K., Maksimović, M., Jovanović, A., Joksimović, J. (2020). New Learning Sites in Learning City — Public Pedagogy and Civil Education. *Andragoška spoznanja/Studies in Adult Education and Learning*, 26(1), 33–51.
- Ptichnikova, G. A., Chernichkina O. V. (2019). Informacionno-tehnologicheskaya model' obshchestvennogo prostranstva sovremennogo goroda [Information Technology Model of Modern City Public Space]. *Gradostroitel'stvo i arhitektura* [Urban Planning and Architecture], 9(2), 53–60.
- Robertson, D. & Giunchiglia, F. (2013). Programming the Social Computer. *Philosophical Transactions: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 371(1987), 1–14.

- Rosenbloom, J. & Ginther, D. (2017). The Effectiveness of Social Science Research in Addressing Societal Problems: Broadening participation in computing. *Science and Public Policy*, 44(2), 259–273.
- Rosenfeld, S. (2019). *Democracy and Truth. A Short History*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Sabah, M., Fang, W. C., Hassanien, A. E. & Kim, T. (2021). Advanced Data Mining Tools and Methods for Social Computing. *The Computer Journal*, 64(3), 281–285.
- Sendra, P. (2015). Rethinking Urban Public Space. *City*, 19(6), 820–836, DOI: 10.1080/13604813.2015.1090184
- Shklovski, I. & Chang M.F. (2006). Guest Editors' Introduction: Urban Computing: Navigating Space and Context. *Computer*, 39(9), 36–37.
- Smith, R. J. & Hetherington, K. (2013). Urban Rhythms: Mobilities, Space and Interaction in the Contemporary City. *The Sociological Review*, 61(S1), 4–16. DOI: 10.1111/1467-954X.12050
- Solov'ev, A. I. (2021). “Dokazatel'naya politika” i “politika dokazatel'stv”: dilemma postsovetских obshchestv [“Evidence-Based Politics” and “Evidence Politics”: the Dilemma of Post-Soviet Societies]. *Kontury global'nyh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 14(5), 61–80. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-3.
- Touraine, A. (1998). *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego. Ocherki sociologii* [The Return of the Acting man. Essays in Sociology]. M.: Nauchnyy mir.
- Zhel'nina, A. A. (2015). Kreativnost' v gorode: reinterpretatsiya publichnogo prostranstva [Urban Creativity: Reinterpreting the Public Space]. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2(78), 45–59.
- Zukin, S. (2010). *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. Oxford: Oxford University Press.

Received 20.11.2021

Accepted 15.12.2021

For citation: Smorgunov L. V. Social Computing and The Transformation of Urban Public Space.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 22. No. 4. Pp. 6-21.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).